

ФІЛОЛОГІЯ

МОВАЗНАЇСТВА

УДК 81'42:82–14 В. Полозкова

UDC 81'42:82–14 В. Полозкова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. ПОЛОЗКОВОЙ

NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN THE LYRIC DISCOURSE OF V. POLOZKOVA

Г. А. Камлевич,
*кандидат филологических
наук, доцент кафедры общего
и русского языкознания БГПУ*

G. Kamlevich,
*PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of General and
Russian Linguistics, BSPU*

Поступила в редакцию 25.08.17.

Received on 25.08.17.

В статье рассматривается лирический дискурс В. Полозковой, в котором национально-культурная специфика реализуется на уровне реалий, фразеологических единиц, прецедентных текстов и имен собственных, несущих определенную стилистическую нагрузку. Творчество В. Полозковой характеризуется полинациональным культурным содержанием с преобладанием русского культурного компонента. Разнообразие культурно маркированной лексики, представляющей разные народы, свободное включение ее в лирический дискурс демонстрирует высокий интеллектуальный потенциал В. Полозковой и «поликодовость» ее идиостиля.

Ключевые слова: национально-культурный компонент, лирический дискурс, реалия, прецедентное имя, прецедентный текст, топоним.

Any verbal sign can be given to certain national-cultural content, without which it is impossible to adequately perceive the individual word and the artistic text as a whole. In lyric discourse of V. Polozkova a national-cultural specific is realized at the level of base-line vocabulary, phraseological units, precedent texts and proper names that carry the certain stylistic loading. Creativity of V. Polozkova is characterized with multinational cultural component with a predominance of Russian cultural component. A variety of cultural marked vocabulary representing different peoples, its free inclusion in to lyric discourse demonstrates the high intellectual potential of V. Polozkova and her idiosyncrasy.

Keywords: national-cultural component, lyric discourse, reality, case name, precedent text, place name.

Творчество Веры Полозковой представляет интерес для филологических исследований, так как современная поэтесса демонстрирует «поликодовый тип языковой личности», в котором представлены различные «субкоды, гетерогенные лингво-семиотические образования, способствующие кодированию значимой информации» [1, с. 137–138], в том числе представлению национально-культурного компонента.

Национально-культурный компонент семантики слова рассматривается по-разному: как внутренняя форма языка (В. Гумбольдт), как категоризация мира языковыми средствами (Э. Сепир, Б. Уорф), как специфическая характеристика психики отдельных народов (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева), как концентрированное выражение культурного контекста (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), как способ хранения и воплощения культурных ценностей (В. В. Коле-

сов, Н. А. Купина, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Б. А. Серебрянников, И. А. Стернин, З. К. Тарланов, Б. А. Успенский) и т. д. Различные подходы и концепции объединяются признанием возможности любого словесного знака обладать определенным национально-культурным содержанием, наличием некой культурной коннотации лексических единиц, культурно-окрашенной лексики.

Вполне целесообразным, на наш взгляд, называется предложение В. В. Виноградова изучать языковые единицы в двух аспектах – общечеловеческом и национально-специфическом, так как разные виды лексического значения слов «настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа» [2, с. 189]. К национально-специфическому

аспекту относят фоновую лексику, культурно-исторические реалии, фразеологические единицы, имена собственные, прецедентные тексты, слова с эмоционально-оценочным фоном, воспринимаемым данным народом и т. д.

Культурно маркированные единицы можно рассматривать в денотативном аспекте (реалии соотносятся с фактами материальной культуры народа), а также в коннотативном аспекте, который отражает национальный характер, различается при обозначении одного и того же объекта в разных языках. В обоих случаях национально-культурный компонент включает экстралингвистическое содержание, которое восходит к историческому, географическому или традиционному фактору культуры, охватывает определенную сумму сведений, без которых невозможно адекватное восприятие слова и его правильное употребление в контексте, что определяет актуальность изучения данного феномена.

В лирическом дискурсе В. Полозковой встречаются различные бытовые, этнографические и мифологические реалии, реалии мира природы, государственно-административного устройства и общественной жизни, ономастические и ассоциативные реалии, представляющие культуру разных народов, что позволяет говорить о полинациональном культурном компоненте. В художественном пространстве поэтессы можно найти известные всем культурно маркированные лексемы, обозначающие людей (*самурай, рикша, визирь, падишах*), названия блюд национальной кухни (*куллич, солянка, каравай*), помещений (*изба, богадельня, паб, мечеть*), денежных единиц (*копейка, гривна, полтинник, цент, пенс*), жанров фольклора (*частушка, хокку*) и т. д. Также в поэзии В. Полозковой представлены малоизвестные реалии, относящиеся к культуре разных народов, что демонстрирует высокий интеллектуальный потенциал автора: *«Hustler»* (американский журнал для мужчин), *банши* (в скандинавском фольклоре и у жителей горной Шотландии – сверхъестественное существо, опекающее старинные роды; принимает различные облики: от уродливой старухи до бледной красавицы); *ктофта* (индийское горячее блюдо); *клошар* (нищий бродяга, живущий во Франции); *граппа* (итальянский алкогольный напиток); *тальятелле* (разновидность итальянской лапши) и т. д.

В сборнике «Осточерчение» есть цикл, посвященный путешествию В. Полозковой по Индии, в связи с чем в текстах находим соответствующие культурно маркированные элементы, которые позволяют передать специфику представляемой страны: *ласси* (популярный индийский напиток), *масала-чай, парата* (хлеб с пряностями), *рупия, сари, Тадж Махал* и т. д. Из стихотворений данного цикла можно узнать различные сведения об исторической и современной Индии: *Чему учит нас Орча, мой свет?*

Махараджи умели строить себе дворцы. / Имели шесть жен, сто наложниц / и вообще были молоды («Орча»); На самом деле я живу здесь, в пустыне, / и ношу золотое кольцо в носу. / Ем ктофту из железной миски, держу ее на весу. / И в повозке мужа по знаку «Ом» пририсовано к каждому колесу («Пушкарь») и т. д.

В лирическом дискурсе В. Полозковой встречаем прецедентные имена, представляющие различные пространственно-временные культурные пласты: Находим русские антропонимы (*Иосиф Бродский (друг Иосиф), Бунин, Гумилев, Макс Фрай, Бажов, Борис Борисыч (Гребенщиков), Высоцкий, Ваня Ургант, Елена Фанайлова* и др.), среди которых преобладают литературные имена. Представлены известные американцы, подавляющее большинство из которых – музыканты, актеры, представители литературы (*Фрэнк Синатра, Билл Мюррей, Боб Дилан, Джесси Спенсер, ДиФранко, Джим Моррисон, Диаманда Галлас, Ленни Кравитц, Майкл (Джексон), Гертруда Стайн, Роберт Фрост* и др.). Распространены французские (*Декарт, Эдит Пиаф, Бежар, Кароль Буке, Летиция Каста, Риччи*) и английские (*Ллойд Уэббер, Сед Вишез, Терри Пратчетт, Оскар Уайльд*) антропонимы. В меньшей степени представлены итальянские (*Данте, Беатриче, Ориана Фаллачи*), японские (*Басе, Мураками*), индийские (*Айшварья Рай, Прянка Чопра*), испанские (*Пикассо, Федерико Гарсиа Лорка*) и другие (*Бьорк, Дэйв Мэтьюс, Йейтс, Кустурица, Нина Хаген, Рильке, Селин Дион*) имена собственные. В целом, преобладают антропонимы, относящиеся к литературе, музыке и киноискусству, что отражает жизненные пристрастия автора и характеризует поэтессу как разностороннюю личность.

Распространенными оказываются обращения В. Полозковой к персонажам русской классики: *Я грызу сухие губы, словно Митя Карамзов, / От участливых вопросов приходя в неистовство («Недогумилев»); Садится юный журналист / Искать фуллтаймовскую должность, / Да, он, трепло и егоза, / Берется, наконец, за дело. / Не хочет быть как Стрекоза, / Что лето красное пропела, / А тут зима катит в глаза («Прощание с юностью»); А не скосит крейза, не вылетят тормоза – / Поневоле придется вырасти Ихтиандром. / Я реальность свою натягиваю скафандром / Каждый день, едва приоткрыв глаза («Так, просто»); Вот же время было, теперь, гляди-ка, ты одинока, как Белый Бим («Катя»); ...волосы жестким ворсом, в постели как Мцыри с барсом («Прямой репортаж из горячих точек»); Я таскаюсь везде за девочками, как Горич / За женою («Одесское») и т. д. Используются также персонажи мировой литературы: *В панцирь хитина / Бросят вонзаться / ... / Яблоко в спину / Грегора Замзы...* («Францу Кафке»); *Результаты спонтанного шоппинга неутешительны: / я самка Гулливера,**

в этом городе живут любезные, гостеприимные лилипуты («Результаты спонтанного шопинга неутешительны...»); Я Дориан Грей, наверно – я старею / Каким-нибудь тихим сквериком у воды. А зеркало не фиксирует изменений... («Ноябрьское») и т. д.

В художественном пространстве В. Полозковой культурно маркированные онимы имеют особую стилистическую нагрузку. Например, имя одного из любимых поэтов В. Полозковой – *Иосифа Бродского* – становится мерилем творческого умения: *Я хочу быть немного Бродским – / Ни единого слова зря* («Наскальное»). В стихотворении «Вряд ли» антропонимы *Джесси Спенсер* (австралийский актер, наиболее известный ролью доктора Роберта Чейза в телесериале «Доктор Хаус») и *Дженис* (*Лин Джоплин*; американская рок-певица) становятся основой сравнения: *ждет в пустой операционной хирургом, вылитым / джесси спенсером...; ...моя смерть обитает во мне, поет из меня, как дженис* (здесь и далее сохранена авторская орфография).

Многие прецедентные имена используются для характеристики персонажа, выступают в образной и оценочной функции: *Перед днем рождения ты как Бежар, / Заходящийся в танце* («Перед днем рождения всегда хандреж»); *...мощный, как Давид / ... Он мудрый, как Плутарх* («Мой друг Левинский Родион»); *Да еще умна, как Гертруда Стайн...* («Маленький рок-н-ролл»); *Я безрукая, как Венера* («Моя мама в Турции с прошлой ночи»); *...смеется хищно, как Бармалей* («Здравица»); *...хохотать раскатисто, с хрипотцой, как Йовович* («Похудеть килограммов на семь-десять»); *Катя мнит себя Клинтон Иствудом* («Катя»); *Звонче не петь, чем Данте для Беатриче* («Осточерчение»); *Арабы все улыбаются ей, курчавясь, / Как Уго Чавес* («И пока он вскакивает с кровати»); *В общем, мы тут неделю, мама, и пятый город подряд / Происходит полный Джонатан Свифт / плюс омар-хайямовский рубаиат* («Семь ночей») и т. д.

В стихотворении «Мастерство поддержания пауз» сопоставление двух антропонимов выступает основой классификации женщин: *...что касается женщин, мама, здесь все от триера до карвая: / всякий раз, когда в дом ко мне является броская, деловая, передовая, / мы рыдаем в обнимку голыми, содрогаясь и подывая* («Мастерство поддержания пауз»). *Триер* – датский кинорежиссер и сценарист, в фильмах которого женщины являются жертвами, живущими в рациональном и жестком мужском мире. *Вонг Карвай* – гонконгский кинорежиссер и сценарист, который в своих фильмах показывает судьбы одиноких женщин, разочаровавшихся в любви, но освободившихся от своего прошлого и нашедших новый жизненный путь.

Интересным оказывается использование известных имен собственных для пространствен-

ной характеристики: *От меня до тебя / Расстояние, равное лучшей повести / Бунина; равное речи в поиске / Формулы; равное ночи в поезде / От Південного до Киевского вокзала. Расстояние, равное «главного не сказала»* («От меня до тебя»); *До Владимира Маяковского / Мне всего сантиметров шесть* («Первой истощной паникой по утрам»). В последнем примере автор противопоставляет свой рост (183 см) росту известного поэта (189 см).

В лирическом дискурсе В. Полозковой представлены топонимы, которые включают экстралингвистическое содержание благодаря географическому фактору: гидронимы (*Амазонка, Ганг, Днепр, Нева, Терек, Цна* и др.), оронимы (*Ай-Петри, Долина Смерти, Эльбрус, Цей* и др.), инсулонимы (*Бермудский архипелаг, Гаити, Сейшеллы, Ямал* и др.), хоронимы (*Бирюлево, Кубань, Раджастан, Турция, Хэмпшир, Чувашия* и др.), ойконимы (*Агра, Варанаси, Лимож, Монтевидео, Петрозаводск* и др.), урбанонимы (*Бродвей, Колизей, Монмартр, Таксим, Киево-Печерский (монастырь), пляж «Ривьера»* (в Одессе) и др.).

Много урбанонимов, представляющих родной для В. Полозковой город – Москву: названия улиц, площадей, станций метро (*Большая Никитская, Дербеневская, Кожевническая, Покровка, Манежная, Повелецкая*) и других внутригородских объектов (*Киевский вокзал, Кремль, Кузнецкий мост, Олимпийский (спортивный комплекс), ЦДЛ, ЦИТО, магазины «Чертежник», «Сластена»* и т. д.). В. Полозкова отмечает, что «этот город не вырезать из меня уже ни при каких обстоятельствах. Только вместе с жизнью. Меня все эти смешные разговоры про патриотизм раздражают: куда бы ты ни уехал, даже в Папуа – Новую Гвинею, ты будешь оставаться человеком, родившимся в Москве. Это закатано в твой ДНК, его не перекроить» [3].

В стихотворениях В. Полозковой встречаем также урбанонимы, относящиеся к Санкт-Петербургу, который поэтесса считает «своим» (*Гостиный (двор), Заневский (проспект), Дворцовая (площадь), Дворцовая (набережная)*), и Тамбову – олицетворению русской провинции: *бутик «обновочка», аптека «панацея» / сбежала бы, жила бы, как цирцея / на улице советской, возле цны / любила бы тамбовского мерзавца / мечтала б с ним до знаменского загса / доехать; жизни не было б цены* («Тамбов»).

В большинстве случаев топонимы обозначают географические объекты, но они могут выполнять и стилистическую нагрузку, что видно из примеров: *Воплощая Мертвое море, если короткой фразой – / Столько солей, минералов, грязей – / А жизни нет...* («Бытопись»); *Эту девушку, что живет в Марианской впадине / Его смуглой грудинной ямки...* («Мы влияем друг другу в сны иногда – акулами»); *От улыбки, в которой музыка и Бродвей, / До сих*

пор беспомощность и мурашки... («Не сходи с моих уст»); *Бывает, заглянет в очи своих друзей – / И видит пустой разрушенный Колизей...* («Ярмарка»); *Говорят: «Мы расскажем, как тебя сделать стройным. / Крут – накорим Ираком да Приднестровьем...»* («As It Is»); *Город стоит в метельном лихом дурмане – / Заспанный, индевеющий и ничей, / Изредка отдаваясь в моем кармане / Звонкой связкой твоих ключей / К двери в сады Эдема. Или в Освенцим* («Жреческое») и т. д.

Для стихотворений В. Полозковой характерным оказывается использование разных топонимов в одном контексте, что позволяет объединять пространство, сближать объекты, в реальности далеко находящиеся друг от друга: *И вдруг, с разбегу, без подготовки, / Плашмя, с Эльбруса и до Покровки...* («Вместо праздничной чепухи»); *Я развешиваю стихи – / От Тверского и до Терскола* (Вместо праздничной чепухи); *Как все эти часы, что жду / Потепленья в твоём лице я. / От Заневского и до Цёя, / От Азау и до Лицея / В царскосельском пустом саду* («Вместо праздничной чепухи»); *Правой ногой попираешь ты Сиолимский, / а левой Кузнецкий мост* («Последнее утро»); *Вот он новый мой праздник, который всегда с другим – / Все идет за мной от Парижа до Вайланкани* («Как водится»); *что за жизнь – то пятница, то среда, / то венеция, то варшава* («Профессор музыки»). Такое использование характеризует особое мировосприятие автора, для которого в философском плане нет границ.

Известные имена собственные становятся основой языковой игры, создания стилистических фигур: *И мы ходим в обнимку бедные, как Демьян* («Остаточные явления»); *Дивные дивы / Эти Мальдивы!* («Глобус»); *Плюю на вопли ваши я. Милей всего Чувашия* («Глобус»); *Я лунатик – сонаты Людвига* («Лунная соната»); *У него поезд в Бруклин, а у тебя – долги...* («Вот был город, а стал затопленный батискаф»); *Бог, как Завет, ветх. / И, как Завет, нов...* («Проще говоря»); *...выдающаяся рассказчица чисто сестра стругацкая* («Производство смыслов») и т. д.

Несмотря на разнообразие культурно маркированной лексики, преобладающим в лирическом дискурсе В. Полозковой оказывается русский национальный компонент. Так, кроме фоновой лексики, реалий, прецедентных имен собственных в стихотворениях широко представлены устаревшие, разговорные и просторечные лексемы (*снесь, тать, рыбарь, барахлишко, бухать, бухло, хреново, башка* и др.), а также фразеологические единицы, относящиеся к русскому языку (*денно и ночью, закусывать удила, сам себе господин, божия благодать, гори огнем* и др.). Нередко наблюдается трансформация устойчивых фразеологизмов за счет введения слов, изменения их порядка и т. д., что позволяет

увеличить экспрессивность языковых единиц и ярче представить русскую национальную картину мира: *Ты умеешь так безнадежно хмыкнуть, / Что, похоже, дело мое табак* («И катись бутылкой по автостраде»); *...чтоб земля была ночью, денно смехом его полна* («Смех»); *Правда, руку на сердце положи, / Где-то после плохого дня или двух бутылок / Мне все снится твой кругло выстриженный затылок...* («Если ты про мать – редко видимся, к радости обоюдной»); *И снова он тебе про Ерему, / А ты ему про Фому* («Старая песня»); *...ну вот и рвемся, оглушены, через трубы медные, воды темные и огонь...* («Если все дается таким трудом»); *Девочка-как-все-плохо, гляди, фунт лиха, вот интересно, а он почем* («Как будто бы»); *Октябрь таков, что самба звенит в ушах, / И нет ни гроша, хоть счастье и не в грошах* («Бабьелетнее») и т. д.

Русский национально-культурный компонент поддерживается и на семантическом уровне. Так, в отдельных стихотворениях представлен ассоциативный ряд, который можно связать с русской (советской) действительностью: *Хвала отчизне. Что бы без нее / Мы знали о наркотиках и винах, / О холоде, дорогах, херувимах, / Родителях и ценах на сырье* («Хвала отчаявшимся»); *Мы ели сыр, запивали крепленым, / Скидывались на новое по рублю* («Игорю, в дорогу»); *И давай кого-нибудь всенародно повыбираем, / Погуляем, нажремся – да потихоньку повымираем* («As it is»).

Вполне конкретные ассоциации вызывают названия стихотворений «То заплачет, как дитя», «Все могут короли», «Каравай, каравай». К русским прецедентным текстам отсылают и следующие примеры: *Я твой глупый пингвин – я робко прячу / Свое тело в утесах теплых твоих ладоней...* («Я твой щен»); *И – надцатого марта – я опять животное, / Кем-то подло раненное в живот* («Я твой щен»); *Когда-нибудь мы действительно вспомним это – / И не поверится самим* («Давай будет так»); *Словно в черепной коробке бдит угрюмый постоялец: / Оставайся мальчик с нами, будешь нашим королем* («Недогумилев»); *А надо бы рубиться в гущу, быть пионером всем пример...* («Стишище»); *Хлопай границами – и в Китай...* («Одна страница из желтого блокнота») и т. д.

В. Полозкова на основе русского фольклорного материала создает собственные частушки, трансформирует известную русскую народную песню: *По реке плывет топор / вдоль села Валуева. / Он не видит и в упор, как же я люблю его; Над рекой стоит туман. / Мелиста ночь осенняя. / Графоман я, графоман. Нету мне спасения; Как на Варины именины / Испекли мы тишины. / Вот такой нижины, / Вот такой вышины* («Каравай, каравай»).

Таким образом, в лирическом дискурсе В. Полозковой ярко представлен полинациональный

культурный компонент, который реализуется посредством реалий, прецедентных имен собственных, имеющих особую стилистическую нагрузку. Преобладающим оказывается русский культурный компонент, который поддерживается лексическими и фразеологическими единицами, а также семантически – посредством аллюзий

и прецедентных текстов. В. Полозкова демонстрирует высокий интеллектуальный уровень, свободно включая в стихотворения культурно-окрашенную лексику различных народов. Это характеризует В. Полозкову как высокоинтеллектуального человека и подтверждает «поликодовость» идиостиля автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елистратова, К. А. Поликодовая языковая личность поэта: лингвoseмиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К. А. Елистратова // Научный диалог. – 2012. – № 12 : Филология. – С. 137–147.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – С. 162–189.
3. Тарноградская, Э. Вера Полозкова. Крахмальная свежесть души [Электронный ресурс] / Э. Тарноградская // Fraufluger. – Режим доступа: http://www.fraufluger.ru/persons/Vera_Polozkova_Krahmal_naya_svejest_dushi_.htm. – Дата доступа: 21.05.2017.

REFERENCES

1. Yelistratova, K. A. Polikodovaya yazykovaya lichnost poeta: lingvosemioticheskiy aspekt (na materiale poeticheskikh tekstov Very Polozkovoy) / K. A. Yelistratova // Nauchnyy dialog. – 2012. – № 12 : Filologiya. – S. 137–147.
2. Vinogradov, V. V. Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya / V. V. Vinogradov. – M. : Nauka, 1977. – S. 162–189.
3. Tarnogradskaya, E. Vera Polozkova. Krakhmalnaya svezhest dushi [Elektronnyy resurs] / E. Tarnogradskaya // Fraufluger. – Rezhim dostupa: http://www.fraufluger.ru/persons/Vera_Polozkova_Krahmal_naya_svejest_dushi_.htm. – Data dostupa: 21.05.2017.